

КАКАЯ, КАКАЯ группа?
 — Затрапезная...
 — Затрапезная — что?..
 Макарова говорила всего лишь с «Мосфильма», за три остановки на метро от редакции, и мы бестолково кричали друг другу в трубку это слово «затрапезная».

Оказалось — Затрапезная Анна Павловна. Из «Пошехонской старины» Салтыкова-Щедрина. Снимается такой альманах молодых на «Мосфильме». Инна Макарова играет помещицу, некогда попавшую из грязи в князи, из нищей деревеньки к старику, в хоромы.

Первая неожиданность — до мозга костей современная Макарова в классической роли (такая была у нее только одна, в «Женитьбе Бальзамина»). Да еще и роль-то — помещица, Салтычиха.

— Да нет, она не Салтычиха, все, пожалуй, положее...
 Старика, мужа ее, играет Эраст Гарин. Умствующего старика.

— Он умствующий, но она талантлива. Человечески талантлива. Яркая, незаурядна. Она и богатство свое приумножила многократно, единственным таким способом проявляя себя, — больше-то ей проявляться не в чем. Она теперь куда богаче своего мужа, каким он был тогда, в ее юности. И мстит ему. От человеческого оскорбления ее богатство.

И все-таки она раба. Она так и беглому своему крепостному Ваньке-Кайну говорит: «Ты раб и я раба. Только я раба верная, а ты неверный».

Нет, она не жестока ради жестокости. Она себя в своей собственной философии утверждает, в своем образе жизни, а иным он и не может быть.

Однажды, спускаясь по лестнице, она видит, как дети играют «в колодки» — во взрослые игры. И говорят между собой о ней, о ее смерти. И она думает: для чего же все это ее богатство? Как волчица, для детей собирала. Только ими все оправдывала. Для кого?

Здесь в нашем разговоре с Макаровой наступает вторая неожиданность. Она показывает мне фотопробу — нет, с этой действительно все не так просто. Женщина лет сорока, еще привлекательная, в растрепанных темных локонах, небрежном кружевном пеньюаре. В ней есть какое-то человеческое смятение, какой-то жестокий вызов. Кому и в чем?

И третья неожиданность. Затрапезная была крепостной. Художник, иконописец. И вот его полюбила вольная, мешанка. И замуж пошла. И стала, таким образом, тоже крепостной. Но не удается Анне Павловне ее закабалить: «Хоть шкуру с живой снимаю, не буду работать...» — говорит та, бывшая вольная.

— Вот эту роль в фильме тоже я играю. Не случайно. Здесь как бы два лица моей героини. Она в мешанке этой себя видит прежней, тоже свободной от проклятого богатства. И потому так хочет ее сломить, рядом с собой поставить, хозяйку и крепостную — на одну рабскую доску. Но не может...
 Такова еще одна роль Инны Макаровой. А сколько их было!

ей пишут: «Я помню вас с детских лет», здесь нет преувеличения и нет пиетета, Макарова буквально ворвалась в сознание послевоенного поколения темпераментным вихрем своей Любки. И этих позиций не сдала, не уступила.

— Актриса со счастливой судьбой — так меня иногда зрителям представляют.

— А ведь до последней своей картины «Еще не вечер» вы, по моему, долго не снимались?..

— Нет, почему же, были роли в «Русском поле», в «Неисправимом лгуне». Я в работе в общем-то постоянно. И вот сейчас маячит мне — издали, правда, — одна роль. Очень интересная, неожиданная, эксцентрическая, совсем ничего похожего на все то, что я делала до сих пор. Может быть... не знаю... лучше даже не пишите...

— Опять «на общее рассмотрение»?
 То есть на пробы. Одно из самых тяжелых, несправедливых испытаний. Возможно, понятное и естественное для режиссера, но не для актера.

Помню, мы познакомились с Инной Макаровой когда-то не в самый лучший момент ее действительно

люди искусства

НЕОЖИДАННОСТИ В ОДНОЙ РОЛИ

Валентина ИВАНОВА

счастливой актерской жизни. Прекрасная роль в прекрасной пьесе, обошедшей все театры страны и замеченной наконец-то кинематографом, ушла от нее. «Не сочли». Вернее, сочли, но режиссер «не увидел». Она, актриса, увидела, а режиссер не увидел. И потому мы тогда до бесконечности говорили о том странном положении, когда актера, всем известного, сработавшего десятков (а иной раз и нескольких десятков) ролей, вызывает совсем никому не известный и ничего пока не сработавший режиссер. И потом еще одного актера, и еще одного. Чтобы понять, что он «видит», а что «не видит». Магическое «чувствую» не всегда получается в жесткой машине кинематографа. И иногда непонятно, как возникает новая роль, новый взлет, новое свершение. Или в самом деле в искусстве выживают сильнейшие (а надо бы — чтобы талантливейшие), иной раз эти понятия путаются, актер и сам не знает, чего ему нужно больше — таланта или выдержки.

Конечно, проблема эта сложная.

Фильм тот вышел с другой актрисой и пользовался даже успехом, а Макарова, помучившись, помаявшись, пошла своей дорогой. Ведь у нее-то никто уже не мог отнять то, что она — Инна Макарова, славная, обаятельная, популярнейшая наша киноактриса.

...Вот сидит ее Варька на крыше — в футболке и в немилосливо прекрасной широкополой шляпе. Как все девочки, немного сумасшедшая и немного зазнавшая, не просто влюбленная, но даже и позволяющая себя любить. Посмотрите, каким царственным жестом протягивает она Володе — Баталову руку для поцелуя — ведь Варька бредит театром. А еще

Испанней — девчонка предвоенных лет. В этом приморском городке, где самое несущественное рядом с морем кажется таким близким и доступным, она бредит Гвадаррамой и Теруэлем, их бессонными расстрелянными ночами, она видит себя там, на земле классической трагедии.

Они готовятся к экзаменам. Над ними, влюбленными, белое пламя голубей, вдали — неистовое сверканье моря. Варька примостилась на облучке какой-то старинной повозки, громыхающей по горбатым булыжникам. А война уже стоит у порога.

Варька в «Дорогом моем человеке». Или Варя. Или даже Варвара Степановна, дочь своего именитого отца и сама неплохой человек, геолог, фронтовик, прошедший войну. Это все она. У актеров бываю так называемые возрастные роли, где приходится жить на экране от девичьих кос до почтенных седин (вспомним Марецкую в «Сельской учительнице»). Иногда увлекаются чистым и явным секретом профессии — быть разной. Порой это остается внешним эффектом.

У Макаровой случилось иначе — она преударила себя другую, себя новую, неожиданно тихую и сосредоточенную, странно задумчивую и углубленную. Такая Макарова на минуточку проглянула нам в «Новенькой» — уже совсем мама и смирившаяся с тем, что «мама», что бурная молодость позади, молодость своя и ликующего спорта, со взрывами стадионов и медицинской тишиной гимнастических залов.

Как прихотливо иногда пересекаются в творчестве актера самые несхожие роли! До «Новенькой» у того же режиссера Павла Любимова Макарова сыграла в

очень популярных «Женщинах». Ее горластая и прижимистая, щедрая и жестокая Дуська — совсем не такая простая проблема, какой может показаться с первого взгляда. Едва ли не первой на нашем экране актриса показала «другую сторону медали» — пусть передовая на производстве, но ведь потребительница в прямом и хищном смысле слова! «Сладкая женщина», о которой потом написала Велембовская в «Знамени», здесь у Макаровой вся уже запрограммирована.

А вы помните Дуську в начале картины? Не ту, которая, приехавши из заграницы, в немилосливо «хале» на голове и в обшелкнутом до предела тафтовом платье показывает товарам твист, а Дуську еще домработницей — простенькую, деревенскую, незаметную?

Здесь она вдруг напомнила мне Надю из «Девчат».

Если хотите, я считаю, что это любопытнейшая роль Инны Макаровой. Почему? Да потому, что роль эта — на отрицание всего, что уже было ею сделано, на «укрошение огня». Даже решиться на подобный шаг уже нелегко для актрисы, тем более актрисы такого бурного, яркого, ничем не сдерживаемого темперамента, как Макарова.

Некрасивая, угловатая девушка, насидевшаяся по общепитиям и хлебнувшая этой «неустроенности», как говорится, по завязку. Бывает так, строят комбинат-гигант или там электростанцию небывалую, а нужны-то люди и самых оседлых и скромных профессий: счетоводы, телефонистки, экономистки, машинистки. И вот съезжаются, слетаются такие девушки — кто разберет истинность или искренность их намерений? Где здесь романтика, а где свое, загаенное, чисто женское: при-

ткнуться, прилепиться, пригласиться, найти друга, опору, семью?

Надя уже давно отчаялась. Макарову и узнать-то нельзя — словно нарочно вытравливали, выстирали все природные краски, и голос какой-то тусклый, затертый, «общежитийский». Рядом с ней — Ксан Ксаньч, последняя надежда. Она и внешне чем-то схожи — оба какие-то ускользающие, невыразительные.

В пестром хороводе событий, что в «Девчатах» концентрируются вокруг поварахи Тоськи, макарловская Надя совсем на периферии. Даже и койка ее где-то совсем в углу. Ксан Ксаньч строгаёт ей одинаковые табуретки для будущей семейной жизни и, наверное, изредка покупает в подарок что-нибудь совсем дешевенькое, типа духов «Красный мак» (чтоб не разбаловалась). А в душе Нади, сумрачной, усталой, намаившейся, идет нелегкая борьба, суровая идет работа по обузданию всяческой там «романтики».

Здесь все — от актрисы. В повести Надя уходит-таки от Ксан Ксаньча, решается. В фильме вся заявленная серьезность роли растворяется в веселой матримониальной суеде.

...Однажды я открыла «Искусство кино» и увидела заметки Инны Макаровой, которые назывались «Ранней весной в апреле...»
 Опять неожиданность! Оказывается, она пишет, и не об актерской проблеме. Просто пишет, умеет писать, умеет видеть. Детали, характеры, людей. Как она описала свою репетицию в Новосибирске во время войны с Николаем Константиновичем Симоновым в «Борисе Годунове»! «Царевич! — приносит пятнадцатилетняя Инна и в валенках бесшумно появляется на сцене. — Димитрий! Вы?» — продолжает, ожидая увидеть своего партнера по студии, Женьку. И вдруг оборачивается он — Петр I, Николай Симонов. И своим особенным, неповторимым симоновским голосом: «Ты ль наконец? Тебя ли вижу я, одну со мной, под сенью тихой ночи?»

А как любовно, и с тонким юмором, и бесконечно трогательно описано все незабвенное время работы над «Молодой гвардией»!

Между прочим, у нее есть и собственный, ею написанный сценарий.

Как-то она заметила:

— Идешь по студийному коридору и сразу можешь сказать: вот эти в нынешних фильмах играют. Иной раз даже по костюму узнаешь, не спрашивая — идут все какие-то уныло похожие. Говорят, простые люди. Какие там люди? Стеареотипы. Даже не вторичное — третичное.

А до этого мы говорили о картине «Еще не вечер». Она долго убеждала меня, что если бывает у актера большой, настоящий успех, то только на современном материале.

— Потому что людям это близко, понятно. Это свое.

И я чувствую — здесь нет противоречия.

Если и было какое-то большое счастье в ее судьбе, то, наверное, в том, что была верна себе, своей Любке, началу своему, дала себе такое правило, такой обет — не отступать ни в чем: ни в правде, ни в яркости, ни в горячем сердце. Быть разной и все-таки быть всегда самой собой. Макаровой.

Сказала — и не отступила.

● Народная артистка РСФСР И. В. Макарова.

Фото Г. Гер-Ованесова.